

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЬМАНАХА

Л.В. ФАДЕЕВА
(Москва)

Рецензия на: Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.: История, символика, поэтика. — М.: Индрик, 2005. — 480 с. — (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Со второй половины 1980-х гг. заговоры оказались на пике научного интереса, о чем свидетельствуют крупные издательские проекты, представляющие внимание читателей классические и современные исследования в этой области; многочисленные диссертационные сочинения; тематические конференции, семинары и круглые столы. Своеобразными вехами этого процесса стали сборники статей «Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор» (1993) и «Заговорный текст: Генезис и структура» (2005), наиболее четко обозначившие теоретические приоритеты и отобравшие лучшее, что было сделано на тот момент в изучении жанра.

Даже этим этапным работам не удалось избежать стереотипов, прочно утвердившихся среди исследователей заговоров. Одним из таких стереотипов является стремление к изучению устных форм [с. 11], зафиксированных в живом бытовании и потому наиболее наглядно представляющих синкретическую связь слова — предмета — действия в функциональном единстве магического обряда. Интересно, что подобное отношение к заговору у представителей разных научных школ имеет полярные мотивировки. С одной стороны, оно восходит к традициям отечественной науки XX в., считавшей *устность* определяющей характеристикой любого фольклорного произведения; с другой — прочно связано с идеей изучения фольклора в непосредственной связи с этнографической действительностью. Таким образом, попытки со-

отнести заговор с книжной (прежде всего книжно-христианской) традицией долгое время не вызывали симпатий в науке и воспринимались как непонимание природы жанра¹.

Преодоление данного стереотипа происходило стихийно и было связано, главным образом, с интересом к христианизации заговорно-заклинательной поэзии. Следствием этого процесса стало нерасчлененное изучение письменных и устных заговоров [с. 10], причем в центре внимания исследователей оказался достаточно ограниченный круг текстов, отбирившихся чаще всего по сюжетно-тематическому принципу. До наиболее сложных форм письменных текстов у фольклористов просто «не доходили руки». В результате такого выборочного анализа «картина» жанра оказывалась неполной и даже искаженной.

Книга А.Л. Топоркова «Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.: История, символика, поэтика» важна и интересна уже тем, что предлагает изменить угол зрения на характер заговорного текста и особенности его бытования. Автор исходит из последствий полуустного-полуписьменного способа функционирования жанра [с. 8], а потому предлагает посмотреть на *заговоры в контексте книжной традиции* — не только древнерусской, древнесербской и древнеболгарской, но и древнегреческой (имеются в виду как библейские аллюзии, так и привлекаемые для сравнительного анализа греческие тексты из египетских магических папирусов III—V вв. н.э.). Выявляя в процессе анализа трансформации отдельных фрагментов (образов, мотивов, формул) заговоров, А.Л. Топорков задает исторический ракурс иссле-

¹ Правда, если быть до конца объективными, эту нелестную оценку приходится адресовать и классикам русской фольклористики: Ф.И. Булаеву, А.Н. Веселовскому, В.Н. Мансикке и др.





дования в целом. Думаю, не будет преувеличением охарактеризовать его книгу как первый в современной литературе опыт создания *серии очерков по истории заговоров*. По сути, на это указывает и сам автор, когда формулирует задачу своего исследования: «Осмыслить заговоры XVII—XVIII вв. как органическую часть, во-первых, русского фольклорного наследия, во-вторых, рукописной традиции и, в-третьих, социокультурной реальности того времени» [с. 11]. Последнее особенно важно, если принять во внимание, что «корпус заговорно-заклинательных текстов XVII—XVIII вв. реконструируется... не в результате экстраполяции в прошлое ситуации XIX—XX вв., но на основе рукописей XVII—начала XIX в.» [с. 11]².

Такой подход к работе над материалом обусловлен взглядом автора на жанр, который предстает в книге как сложный комплекс разнообразных форм. Речь не идет о каком-либо формальном или даже содержательном единстве. Напротив, «совокупность заговорно-магических текстов» рассматривается «как некий континуум», находящийся «на пересечении сфер церковно-христианского и фольклорного знания. На одном из его полюсов находятся канонические и неканонические молитвы, а на другом — фольклорно-языческие и “черные” заговоры и заклинательные формулы. Тексты, которые располагаются на полюсах этого континуума, кардинально отличаются друг от друга по своей структуре, лексике, религиозно-нравственным установкам и т.д. Тем не менее пространство между полюсами... представляет собой серию последовательных переходов...» [с. 9], не учитывать которые в процессе анализа конкретных мотивов и формул было бы некорректно. Не случайно некоторые тексты проходят в книге своего рода жанровую экспертизу (как, например, в

1-й главе первой части «Берестяная грамота № 521: заговор или любовная записка?» [с. 24—45]³).

Интерес А.Л. Топоркова к рукописным сборникам заговоров отмечен давно. Достаточно вспомнить подготовленные им совместно с Л.И. Сазоновой разделы «Сборник заговоров XVII в. от оружия» и «Заговоры от вражеского оружия в сборнике XVIII в.» в книге «Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков» [Отреченное чтение 2002, 225—232, 268—290], а также статьи последних лет, многие из которых выросли в главы рецензируемой монографии [Топорков 1999; 2002; 2002а; 2004; 2005]. За время работы у автора появились и свои пристрастия: например, Олонецкий сборник второй четверти XVII в., которому посвящено несколько статей [Топорков 2001; 2002б; 2003] и который, как сказано во введении к настоящему изданию, уже подготовлен к печати.

Блестящее владение материалом позволило А.Л. Топоркову создать глубокое филологическое исследование, в котором символика и поэтика заговоров, извлеченных из старинных рукописей, сопоставляется с устными заговорами, каноническими и апокрифическими молитвами, библейскими текстами (от Псалтыри до Апокалипсиса), а также сюжетами православной иконописи⁴. Своеобразной кульминацией, демонстрирующей преимущества такого подхода, стала 2 глава третьей части книги «Мотив “чудесного одевания”» [с. 210—271]⁵, представившая разнообразные версии и варианты прочтения этого мотива в зависимости от характера рассматриваемого текста.

При всей стройности и цельности композиции книги, выстроенной хронологически — от размышлений над ранними фиксациями русских заговоров на берестяных грамотах и в рукописной Псалты-

² Исторический ракурс оказывается чрезвычайно плодотворным в изучении конкретных тематических групп заговоров. К примеру, А.Л. Топоркову удается проследить, как постепенно любовные заговоры проникают из мужского репертуара (XVII—XVIII вв.) в женский (XIX в.) [с. 117—118]. Очевидно, что в XX в. выявленная тенденция продолжала усиливаться. Думаю, не будет преувеличением сказать, что современные записи демонстрируют гендерную ситуацию зеркально противоположной той, которая реконструируется по первым из ныне известных рукописных присушек.

³ Этот очерк уже публиковался автором. См.: [Топорков 1998].

⁴ Что, безусловно, отличает рецензируемую книгу от работы Е.Б. Смилянкой, нередко основывающейся на тех же источниках, но интересующейся в большей степени отношением к магическому знанию и статусом практикующего его колдуна, ведуна, волшебника, чародея [Отреченное чтение 2002, 75—174; Смилянская 2003].

⁵ Этот очерк уже публиковался автором как в сокращенном, так и в достаточно полном виде. См.: [Топорков 2002а; 2005].

ри XV в. (первая часть) до наблюдений за трансформациями русской заговорной традиции в XX в. (пятая часть) — и тематически — как последовательное рассмотрение в центральном разделе любовных заговоров (вторая часть), заговоров социальной направленности (третья часть) и лечебных заговоров (четвертая часть) XVII—XVIII вв., — она всё равно является циклом очерков, подробно разрабатывающих отдельные фрагменты поэтики заговорного текста. Право выбора анализируемых образов, мотивов, формул остается за автором, абсолютно свободным в решении, что и с какой степенью подробности следует описывать.

К примеру, во 2-й главе первой части «Заговор из Псалтыри XV века» [с. 46—109] А.Л. Топорков буквально препарирует небольшой текст, извлеченный из Псалтыри с воследованием XV в., хранящейся в собрании Ф.А. Толстого Российской национальной библиотеки (Q. п. I. 10). Рассматривая его повествовательную структуру по небольшим композиционным фрагментам, он выявляет наиболее интересные и загадочные в смысловом отношении образы — прежде всего «*зверя юна*», — дающие повод для размышлений о звериной символике в книжной (церковной и светской) и фольклорной традиции. В результате глава превращается в исторический очерк, повествующий о судьбе заговорной формулы самоотождествления со зверем, прослеживающейся в южнославянских апокрифических молитвах с XIV—XV вв., а в русских апокрифических молитвах и заговорах — со второй четверти XVII в. [с. 107].

Интерес к зарождению и функционированию заговорных формул, типичных для текстов письменной традиции, очевиден и во 2-й главе второй части «Русские любовные заговоры в компаративном аспекте» [с. 121—135], где речь идет о формуле «*пусть она не ест и не пьет*», восходящей к греческим любовным заговорам, и в 3-й главе второй части, которая так и называется «Формула отречения от родителей» [с. 136—152]. Одновременно предметом анализа становится образ тоски как персонификация любовного состояния в заговорах (4-я глава второй части) [с. 153—182]⁶, и персонажи-цари, привлечшие внимание авто-

ра прежде всего в связи с рассмотрением заговоров социальной направленности (3-я глава третьей части) [с. 272—285]. С точки зрения магического антропоцентризма социальных и любовных заговоров в 4-й главе третьей части рассмотрена символика сердца [с. 286—293].

В четвертой части книги А.Л. Топорков две первые главы строит с опорой на конкретные рукописные сборники, решая таким образом еще и задачу характеристики репертуара рассматриваемого памятника. 1-я глава «Заговоры в лечебнике XVII века» [с. 294—312] знакомит с лечебником № 481 из собрания Московской синодальной библиотеки, тексты которого хорошо известны если не по специальной работе М.Ю. Лахтина «Старинные памятники медицинской письменности» (М., 1911), то по пространным цитатам в «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева (1861) и «Великорусских заклинаниях» Л.Н. Майкова (1869). 2-я глава «Заговоры от кровотечения» [с. 313—334] написана с опорой на уже упоминавшийся Олонецкий сборник второй четверти XVII в.

Удачен сделанный А.Л. Топорковым выбор тематики лечебных заговоров — от кровотечения и от импотенции (2-я и 3-я главы). Их описание готовит читателя к восприятию этнолингвистического этюда «Глагол *стоять* в заговорах» (4-я глава), который суммирует данные лечебных, хозяйственных, социальных заговоров, а также заговоров на оружие [с. 245—351]. Благодаря продуманной композиции книги в процессе знакомства с нею происходит накопление всё новой и новой информации, что в конечном итоге позволяет преодолеть очерковую фрагментарность и воспринять работу, проделанную автором, как целостное полотно.

В поле зрения А.Л. Топоркова попадают как хорошо известные из истории науки и даже опубликованные рукописные сборники заговоров, так и подлинные раритеты. Обозначенная им в самом начале цель «использовать все рукописные заговоры XVII—XVIII вв., дошедшие до нашего времени» [с. 12], позволяет оценить его труд еще и с точки зрения практической пользы для читателей. Не вызывает сомнений, что проработанное до мелочей исследование станет настольной книгой для многих филологов, занимающихся по-

126 ⁶ См. об этом также: [Топорков 2004.]



этикой заговоров. Ведь здесь наряду с обширной аналитической частью представлено еще и приложение-указатель русских заговоров, извлеченных из рукописей XVII—XVIII вв. [с. 364—405]. Позиции указателя, сгруппированного по тематическому принципу (любовные заговоры, заговоры на власть, заговоры от импотенции, заговоры от вражеского оружия), содержат отсылки на место хранения или публикации. К сожалению, подробная роспись, включающая краткое изложение основных сюжетных мотивов каждого текста, сделана только для «присушек». Не меньший интерес вызывает и подготовленное Я.П. Талбацким второе приложение, в котором представлены греческие магические тексты из египетских папирусов III—V вв. н.э. [с. 406—428].

Работа с заговорами, извлеченными из старых рукописей, безусловно, требует от исследователя особой осторожности в интерпретациях, поскольку переписчики нередко искажали текст (причем делали это не всегда случайно). Вот почему сравнительный анализ, предпринятый А.Л. Топорковым, имеет еще и текстологическую значимость. Нельзя не отметить корректность, с которой автор проясняет темные места анализируемых заговоров. Однако ему не всегда удается избежать курьезных толкований. Так, анализируя тексты из лечебника XVII века, опубликованного М.Ю. Лахтиным, А.Л. Топорков предпринимает попытку объяснения словесной формулы, направленной на лечение озноба (№ 210). Он атрибутирует ее как «магическую формулу нецерковного характера» [с. 303]. Отмечая нарушение семантической связности текста во фрагменте «*Божия лиса боровалися*», автор размышляет о значении глагола «*бороваться*», указывающего, вероятно, на место обитания «*божьей лисы*» [с. 310—311]. Однако, на мой взгляд, уместно предположить, что в данном случае была, во-первых, допущена орфографическая ошибка, во-вторых, неправильно сделана разбивка текста на отдельные слова, что в итоге привело к искажению фразы «...*Божия ли соборовалися*». В пользу этого говорит указание на ритуальные действия, сопровождающие вербальную формулу: «*над маслом молвити*». Не исключено также, что именно двойственность фразы, игра смыслов — секрет, раскрывающийся при быстром произнесении слов, — и явились поводом для ее включения в маги-

ческий обряд. Если данная гипотеза верна, то перед нами фрагмент молитвы, а не магической формулы нецерковного характера.

Позволю себе также небольшое замечание в связи с интересными наблюдениями А.Л. Топоркова над пародированием мифологических ситуаций заговора в детской считалке (1-я глава пятой части). Среди устных заговоров, сближающихся со считалкой по простоте формы и некоторой абсурдности сюжетной ситуации, автор приводит тексты типа белорусского «*Бег сабачка через мост — чатыры ланкі, пяты хвост*» [с. 352] или русского «*Плыла баба по речке, вела быка на нитке; нитка порвалась, кровь запекалась. Сяду я на камень, больше кровь не канет*» [с. 356]. Тяготение считалки к подобным магическим формулам не вызывает сомнения. Однако для начала следует определиться со статусом подобных заговоров и оценкой возможности их практического применения. А.Л. Топорков справедливо характеризует подобные тексты как результат деградации, когда «выветривается... символика, содержание упрощается и даже обесмысливается» [с. 355]. Вопрос в том, случайна ли эта деградация? Однажды я упомянула о таких формулах во время беседы с Марией Алексеевной и Николаем Петровичем Козьминными, 1936 г.р. и 1937 г.р., из д. Большое Кротово Пинежского р-на Архангельской обл. Мы разговаривали о различных способах лечения болезней [АА 2000]. Мои собеседники были категоричны: разве этими словами можно лечить?! Их говорят в шутку, а не для дела! Если такая оценка справедлива, то не стоит ли начинать отсчет пародийных и профанированных форм заговоров от самого магического жанра? Ведь присутствие в традиции текстов для посвященных (специалистов) и для непосвященных создает хорошую основу для «ложных заговоров».

Это не единственный фрагмент книги, который заставляет читателя поразмышлять над собственной картотеккой заговоров или переосмыслить личный экспедиционный опыт. Не случайно читается она с большим интересом, несмотря на то что отдельные фрагменты требуют медленной и вдумчивой проработки. Надеюсь, что судьба этого научного труда окажется счастливой и он будет интересен многим поколениям фольклористов.

**Литература**

Смилянская 2003 — Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

Топорков 1998 — Топорков А.Л. Грамота № 521: заговор или любовная записка? // Слово и культура: Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 230—241.

Топорков 1999 — Топорков А.Л. Русские любовные заговоры XIX века // Эрос и порнография в русской культуре. М., 1999. С. 54—71.

Топорков 2001 — Топорков А.Л. Антропимическое пространство Олонекского сборника заговоров XVII века // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. М., 2001. Ч. 2. С. 126—131.

Топорков 2002 — Топорков А.Л. Заговорно-заклинательная поэзия в рукописных традициях восточных и южных славян // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Междунар. съезд славистов (Любляна, август 2003). Докл. рос. делегации. М., 2002. С. 376—393.

Топорков 2002а — Топорков А.Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII—XVIII вв. // Заговорный текст: Генезис и структура: Мат. круглого стола. М., 2002. С. 55—62.

Топорков 2002б — Топорков А.Л. Эпитеты в Олонекском сборнике заговоров XVII века // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 338—376.

Топорков 2003 — Топорков А.Л. Олонекский сборник заговоров как памятник народной культуры XVII века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 1. С. 148—155.

Топорков 2004 — Топорков А.Л. Этимология на службе магии // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого (1923—1996). М., 2004. С. 284—294.

Топорков 2005 — Топорков А.Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII—XVIII вв. // Заговорный текст: Генезис и структура. М., 2005. С. 143—174.

Отреченное чтение 2002 — Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М., 2002.

Сокращения

АА — архив автора.

Когда верстался номер, стало известно, что А.Л. Топорков избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Редакция и редколлегия альманаха «Традиционная культура» от всей души поздравляют Андрея Львовича с этим событием.

В.А. ПОЗДЕЕВ

(Киров)

Рецензия на: Амроян И.Ф. *Повтор в структуре фольклорного текста (на материалах русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов)*. — М.: ГРЦРФ, 2005. — 296 с.

Сравнительно-текстологический метод исследования сказок, детского фольклора и заговоров вошел в арсенал фольклористики довольно давно и стал одним из основных. Однако в научных работах этот метод почти всегда дополняется структурно-семиотическим, типологическим и функциональным. Хотя в последние десятилетия сказка рассматривается со структурно-семиотических позиций, в то же время славянское сказковедение не исчерпало возможностей сравнительного анализа на различных уровнях сказочного текста. Комплексный подход к современной славянской сказочной и заговорной традиции позволяет не только увидеть многообразие и разные стадии тех процессов, которые проходили в прошлом, но и отметить тенденции в современной межэтнической ситуации, в функционировании фольклора.

Одним из наиболее распространенных приемов структурирования текста в указанных жанровых системах является повтор. В монографии И.Ф. Амроян рассматриваются различные типы повторов в структуре текста сказок и заговоров. Выделены основные типы: нанизывание, кумуляция, кольцевой повтор, маятниковый повтор, а также особый прием словесно-текстового уровня — «сквозной эпитет». Анализ каждого типа повторов дает возможность увидеть, как принципы повторяемости становятся определяющими.

Монография является своеобразным продолжением и уточнением некоторых положений, которые автор опубликовала в книге «Типология цепевидных структур» (Тольятти, 2000). Рецензируемое исследование состоит из введения и шести разделов. Во введении И.Ф. Амроян достаточно подробно рассмотрела источники текстов и взгляды ученых,